

В тот миг, когда сердце Цэнь Цзибая сжималось от боли, он лелеял призрачную надежду: а что если в прошлой жизни Линь Цзинь и вправду не хотел быть погребённым как низложенная императрица и не желал, чтобы его недоношенного ребёнка сожгли и захоронили, как это делали с другими мёртвоорождёнными принцами и принцессами? Именно поэтому он велел передать свои останки Линь Сюню. Цэнь Цзибай мечтал, что, возможно, Линь Цзинь ненавидел его не так сильно, что не хотел оставить ему абсолютно ничего...

Никто не заметил, когда Цэнь Цзибай потерял сознание.

Правитель Ся, услышав о смерти госпожи Чжоу, пришёл взглянуть на неё. Многолетний брак всё же оставил в его сердце каплю привязанности. Что до неродившегося сына... он никогда не придавал особого значения потомству, тем более что Шангуань Мяо недавно родила ему ещё одного мальчика. Вместе с двумя старшими сыновьями их стало трое, так что вопрос о наследниках волновал его ещё меньше. Войдя в чертог Цзиншу, он увидел Цэнь Цзибая, стоявшего на коленях на каменном полу. Придворные доложили, что тот не вставал с тех пор, как вчера узнал о смертельной болезни госпожи Чжоу. Хотя она и не была ему родной матерью, но воспитывала Цэнь Цзибая больше десяти лет, и Правитель Ся знал, что их связывали тёплые чувства. Он велел помочь принцу подняться — что проку в долгом стоянии на коленях? Мёртвых не воскресить.

Пожилой слуга Правителя подошёл к Цэнь Цзибаю и, видя, что тот опустил голову и не отвечает, протянул руку, чтобы поддержать его. Но едва он коснулся руки принца, тот рухнул на каменные плиты.

Придворные вскрикнули от ужаса. Прибывший врач, пощупав пульс, объявил, что причина обморока — чрезмерное горе и сердечный приступ.

Цэнь Цзибай всё ещё был погружён в воспоминания о прошлой жизни. С самого возрождения он скрывал эту боль, чтобы никто не заметил его странностей.

Он боялся встречи с Линь Цзинем, но не мог удержаться от желания быть рядом. Сердце сжималось от страха: он не знал, когда госпожа Чжоу снова попытается навредить Линь Цзиню. Лишь после её смерти неопределённость будущего рассеялась. Он и вправду вернулся в прошлое, и вправду мог изменить эту жизнь. Госпожа Чжоу действительно умерла...

Цэнь Цзибай не знал, как долго пробыл в забытии. Со смертью госпожи Чжоу его сердце наконец обрело покой, но усталость от прошлой и нынешней жизнью нахлынула разом, став невыносимой, и он отключился.

Очнувшись в полумраке, он увидел Линь Цзиня — того самого юношу, снявшего маску.

— Сяо Чу! — радостно воскликнул Линь Цзинь, помог Цэнь Цзибаю сесть и налил чаю. Тот не испытывал сильной жажды, лишь не отрываясь смотрел на Линь Цзиня: длинные, чуть приподнятые глаза, прямой нос, тонкие бледно-розовые губы и три белесых шрама.

Как Линь Цзинь мог быть здесь? Он же видел, как тот закрыл глаза у него на руках...

Цэнь Цзибай, словно во сне, протянул руку и коснулся шрамов на лице Линь Цзиня. Тёплая, неровная кожа... Он жив.

— Сяо Чу, ты очнулся? — Линь Цзинь держал чашку, с недоумением глядя на него. Цэнь Цзибай словно всё ещё спал.

Только тогда Цэнь Цзибай пришёл в себя, поспешно убрал руку и почувствовал, как лицо и ладони загорелись. Оглядевшись, он убедился, что находится в своих покоях.

— Сань-гэ, как ты... — как ты здесь оказался?

Линь Цзинь поднёс чашку к его губам, велел выпить, а затем позвал А Цзиня принести лекарство.

— Ты проспал трое суток, — ответил он. — Вчера я с Сяо Сюнем пришёл во дворец проведать тебя. Здесь был такой хаос, я боялся, что за тобой плохо ухаживают, вот и остался.

В покоях госпожи Чжоу шли похоронные приготовления, и, лишившись хозяйки, всё погрузилось в беспорядок. Линь Цзинь естественно беспокоился о состоянии Цэнь Цзибая, тем более что тот во сне постоянно звал «Сань-гэ». — Ты даже не представляешь, как мы испугались, когда ты потерял сознание.

Цэнь Цзибай смотрел на него с глупой улыбкой. Госпожа Чжоу умерла, но Сань-гэ жив — и в этом был смысл его нового рождения.

Линь Цзинь ущипнул Цэнь Цзибая за щёку. Мягче, чем он ожидал. — Здесь сейчас шумно и беспокойно. Может, переберёшься на несколько дней в дом Линь?

Цэнь Цзибай удивился. — Госпожа Чжоу была моей названной матерью. Как я могу покинуть её похороны и прятаться в доме Линь?

Линь Цзинь задумался. Ему вдруг пришла в голову эта мысль — забрать Цэнь Цзибая к себе. Сун Сяоси обычно жил во дворе Линь Сюня, так что Цэнь Цзибай мог поселиться в его, Линь Цзиня, покоях. Вообще-то, они могли бы жить вместе — комната достаточно просторная, кровать широкая...

Линь Цзинь покраснел. — Тогда я останусь с тобой во дворце. Я уже провёл здесь два дня.

А Цзинь и А Инь приготовили для Линь Цзиня небольшую кушетку в покоях Цэнь Цзибая, где тот мог отдыхать, присматривая за больным.

Услышав это, Цэнь Цзибай ухватился за рукав Линь Цзиня и от радости онемел. Наконец он кивнул, затем спрыгнул с кровати и повёл Линь Цзиня к посаженному им сливовому дереву. Оно росло под окном — белая слива, чьи ветви он никогда не подрезал, позволяя им расти свободно. В снегопад Цэнь Цзибай и вправду не мог отличить цветы от снежинок.

— Осторожно, — Линь Цзинь поддержал его и накинул на плечи тёплый плащ.

Они стояли под деревом, ещё не готовым к цветению, и смотрели, как холодный ветер срывает жёлтые и зелёные листья, думая о том, как пышно оно покроется цветами — ещё гуще, чем листвой.

Во дворце царил хаос, и когда семья Чжоу заподозрила неладное и бросилась искать Сусинь, та уже исчезла из Линьяна.

Рано утром Сусинь покинула Линьян, чтобы успеть на первую службу в храме. Госпожа Чжоу приказала страже открыть ворота раньше времени. Было ещё темно, и на дороге ни души. Десяток гвардейцев Императорской гвардии и несколько слуг сопровождали её, но у подножия горы Мэй на них напали. Люди, посланные госпожой Чжоу вернуть Сусинь, нашли лишь тела

— ни одного выжившего. Сама Сусинь бесследно исчезла.

Ли Му поднялся среди ночи, собрал людей и отправился на помощь Сусинь.

Это дело было куда тайнее управления мастерскими. Он повидал немало убийств и поджогов, но самому участвовать в таком довелось впервые.

Они устроили засаду у подножия горы Мэй, перебили гвардейцев и слуг — всё прошло гладко.

Ли Му при свете наступающего утра откинул занавеску повозки, чтобы увидеть пассажирку, и перед ним предстала женщина с жёлтым лицом, покрытым чёрными пятнами. Он дёрнулся, мгновенно опустил занавеску и подумал, что, должно быть, ещё не проснулся. Разве может на свете существовать такое уродство?

— Хозяин, что случилось? — У Чжо, видя испуг Ли Му, с усмешкой спросил.

После истории с теремом Весенних Желаний он узнал, что хозяином А Цзиня был третий принц Цзибай, и позже стал подчиняться принцу, работая под началом Ли Му. Проведя вместе немало времени, он привык к его невозмутимости, и нынешняя растерянность хозяина его удивила. У Чжо заинтересовался, что же так напугало Ли Му, и сам откинул занавеску.

В этот момент Сусинь тоже собиралась выйти, и У Чжо лицом к лицу столкнулся с этим уродством, вскрикнув от ужаса. — Ты... ты... — Откуда такая страшная девушка?

Сусинь сердито посмотрела на него, и У Чжо вспомнил, что Цэнь Цзибай предупреждал: с этой барышней лучше не связываться, она мастерски владеет ядами. Он тут же попытался изобразить улыбку. — Су... Сусинь, прошу, не обижайся. У Чжо не это имел в виду... Просто я никогда не видел такой... своеобразной... Дай мне привыкнуть, и всё будет хорошо...

Сусинь, видя его жалкую улыбку, с трудом сдерживала смех, но её раздражало такое отношение к внешности. Она выпрыгнула из повозки. — Тебе не нужно привыкать, — сказала она. — У тебя нет на это права.

Ли Му наконец вспомнил о деле и тихо повёл всех в загородную усадьбу.

Он хотел вернуться в постель и поспать, но едва успел задремать, как его разбудил шум снаружи. Пришлось накинуть одежду и выйти разбираться.

— Хозяин, эта девушка пробралась в дом и пыталась выйти, как ни в чём не бывало! — слуга, схвативший Сусинь, похвастался перед Ли Му.

— Отпусти! — Сусинь терпеть не могла, когда её хватали. Люди из семьи Су вели себя так, Сун Чжиянь вёл себя так, а теперь и слуга Ли Му — все они только и делали, что выводили её из себя.